

**Влияние иранской культуры на духовную жизнь тюркских народов в
эпоху древности и средневековья.**

Чублуков Петр Юрьевич

Независимый исследователь, E-mail: heroes.2014@list.ru

Аннотация. В статье на основе глубокого анализа материальных источников и сведений китайских летописей, рассматриваются вопросы освещающие тюрко-иранский культурно-исторический синтез. Освещаются вопросы культурного взаимовлияния иранских и тюркских народов в свете новых открытий. Анализируются памятники Мировых религий. Приводится описание религиозного синтеза у народов Средней Азии начиная со второй половины V по XII века. Описываются предпосылки зарождения первых тюрко-иранских культурных связей, которые являются непрямым фактором межнационального взаимодействия в описываемый период и взаимное влияние культур коренной тюркской и иранской общности на территории Мавераннахра.
Ключевые слова: Тюрки, Мавераннахр, Восточный Туркестан, Ислам, Тенгрианство, Христианство, Буддизм, Манихейство, Евразия, Семиречье.

Annotatsiya. Maqolada Xitoy yilnomalarining moddiy manbalari va ma'lumotlarini chuqur tahlil qilish asosida turk-Eron madaniy-tarixiy sintezini yorituvchi masalalar ko'rib chiqiladi. Eron va turkiy xalqlarning madaniy o'zaro ta'siri masalalari yangi kashfiyotlar nuqtai nazaridan yoritilgan. Jahon dinlari yodgorliklari tahlil qilinadi. V asrning ikkinchi yarmidan XII asrgacha o'rta Osiyo xalqlari orasida diniy sintezning tavsifi berilgan. Birinchi turk-Eron madaniy aloqalarining paydo bo'lishi uchun zarur shart-sharoitlar tasvirlangan davrda millatlararo o'zaro munosabatlarning ajralmas omili va Maverannaxr hududida mahalliy turk va Eron hamjamiyati madaniyatlarining o'zaro ta'siri tasvirlangan.

Kalit so'zlar: Turklar, Maverannaxr, Sharqiy Turkiston, Islom, Tengrianizm, Xristianlik, Buddizm, Manixeylik, Yevroosiyo, Yetti Daryo.

Abstract. Based on an in-depth analysis of material sources and information from Chinese chronicles, the article examines issues illuminating the Turkic-Iranian cultural and historical synthesis. The issues of cultural interaction between the Iranian and Turkic peoples in the light of new discoveries are highlighted. The monuments of World religions are analyzed. The article describes the religious synthesis among the

peoples of Central Asia from the second half of the fifth to the twelfth centuries. The prerequisites for the emergence of the first Turkic-Iranian cultural ties are described, which are an indispensable factor of interethnic interactions in the period described and the mutual influence of the cultures of the indigenous Turkic and Iranian communities on the territory of Transoxiana.

Key words: Turks, Transoxiana, East Turkestan, Islam, Tengrianism, Christianity, Buddhism, Manichaeism, Eurasia, Semirechye..

Исторические исследования последних лет свидетельствуют о том, что Средняя Азия с древнейших времён была населена как ирано-язычными, так и тюрко-язычными племенами и народами, как оседлыми так и кочевыми и полукочевыми, жившими бок о бок в тесном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии, создавая общую своеобразную высокую культуру, внёсшую огромный вклад в развитие мировой цивилизации. Однако, как известно, в письменных источниках античного и более раннего времени нет однозначных указаний свидетельствующих о существовании древнейших тюрков.

Прослеженные по китайским летописям и этногенеалогическим легендам события ранней тюркской истории позволяют выводить происхождение древних тюрков из хуннской этнической среды, смешанной с ираноязычным населением Приалашанья и Восточного Туркестана.¹ Выделенный им “ганьсуйско-гаочанский” период ранней истории древних тюрков пока никак не представлен в археологических материалах из Приалашанья и Восточного Туркестана. В V в. древние тюрки Ашина были переселены жужанями на Алтай. Усиление древних тюрков началось в VI в., после обмена посольствами с северной китайской империей Западная Вэй и подавления восстания телесских племен. В середине VI в. древние тюрки сокрушили жужаней и создали Первый Тюркский каганат, подчинивший на несколько десятилетий почти все кочевые племена степного пояса Евразии.²

До принятия мировых религий - ислама, христианства и буддизма, тюрки (и монголы) имели древнюю оригинальную религию тенгрианство, о которой можно узнать из маньчжурских требников и китайских летописей, арабских, иранских источников, фрагментов сохранных древнетюркских рунических и согдоязычных памятников VI-X вв. На каменных плитах в районе Верхнего Енисея сохранились высеченные древним художником изображения

священнослужителей в длинных одеждах с жезлами в руках. Рисунки алтаря со стоящей на нем чашей, очень похожей на потир, изображают элементы религиозного обряда.

Одним из важных факторов влияния иранской культуры стало распространение манихейства. Согласно учению Мани, в мире искони существовала одна истина (Свет), которую локально возвещали три великих апостола – Будда на востоке, Заратуштра в Иране, Иисус Христос на западе. В локальности этих вероучений (буддизм, зороастризм, христианство) заключалась их недостаточность и ущербность. Свет же истины, несомый Мани, целостен, ничем не затемнён, абсолютен, совершенен и пространственно универсален. В манихейском вероучении присутствует всё рациональное и приемлемое с позиции новой доктрины из названных религий, учитывается существование наиболее значимых местных культов, в том числе из раннего тюркского шаманизма. Отличительная и привлекательная черта манихейства – демократичность и мифопоэтичность изложения, помогавшие в продвижении изложения, помогавшие в продвижении этой религии на восток, в том числе на земли, занятые тюркскими народами.³ Манихейство «облачалось в шаманский костюм». Поэтому оно оказалось привлекательным для и тюркских кочевников Центральной Азии, тем более, что в условиях степи манихейская церковь-молебен могла размещаться и в кочевой юрте рядом со ставкой предводителя.⁴ В древнетюркское время в орбиту манихейских конфессиональных связей было вовлечено большинство тюркских племён. Объединяющую человечество веру Мани манихеи миссионеры разносили по свету. К XI–XII вв. они действовали на просторах всего Евразийского материка от Атлантического океана до Тихого.⁵ От других великих религий манихейство отличала чрезвычайно важная особенность – в любой стране его адепты для распространения своего вероучения пользовались языком местного населения.⁶ Особенно важно помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным лишь манихейство применяло (наравне с манихейским, сирийским, согдийским и производным от него уйгурским письмом) и руническую письменность тюрков.⁷ Это привело к настоящему взлёту образованности, к появлению в то время, если можно так сказать, местной тюркской интеллигенции, тюрков-миссионеров и священников. Включение местных богов в свой пантеон – являлось характерной особенностью манихейства. То было время приобщения восточных тюрков Средней Азии и Сибири к миру духовных и культурных ценностей, выработанных городскими

цивилизациями Западной Азии.

Массовое распространение грамотности, наличие собственной рунической енисейской письменности на литературном языке того времени ярко выразились в появлении в VIII–X вв. огромного количества манихейских наскальных надписей самого разнообразного характера по всему Саяно-Алтайскому нагорью и Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Тува, территория современной Монголии). Особенно много наскальных отметок оставили молившиеся на природе. Многие из текстов представляют собой монотеистические обращения к Богу в самоуничижительной манере (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.).

Северное манихейство не уничтожило заложенного в языческих верованиях сибирских аборигенов мощного духовного потенциала слияния с родной природой. Поэтому наряду с вероучителями-марами в манихейских документах и в китайских хрониках этой поры упоминаются камы – тюркское наименование не только языческих прорицателей и ясновидящих-шаманов, продолжавших практиковать⁸, но и собственно манихейских священников, служивших в храмах (например, “кам мар”).⁹ В арабо-персидских источниках под манихейским влиянием их стали называть по-персидски фагинунами – очевидно, “прорицателями” (ср. иранское “фаг” или “баг” – бог; согдийское “вагнпат” – жрец; и парфянское “багнапат” – жрец).¹⁰

Следует отметить, что за эти 400 лет тесного тюркско-иранского языкового взаимодействия тюркские народности, проживавшие севернее, восточнее и западнее границ Средней Азии, подверглись основательному воздействию высокой иранской культуры в самых разных областях.

Благодаря выдающимся военным успехам, древнетюркским каганам удалось в середине VI в. на несколько десятилетий объединить под своей властью почти все кочевые племена степного пояса Евразии. Образование Первого Тюркского каганата способствовало широкому расселению древних тюрков и других тюркоязычных кочевников в евразийских степях и стимулировало процесс тюркизации ираноязычных номадов, распространение тюркской культуры и языка в иной этнической среде.

В VII и VIII вв. вся Азия стала полем для распространения прозелитических

религий. На западе бурно развивался ислам, на востоке - буддизм, а на севере нашли место вытесненные из Ирана несторианское христианство и манихейство.

С переселенцами-согдийцами в VII в. среди тюрок Семиречья и Центральной Азии появилось множество манихейских миссионеров, активно занимавшихся как раз в это время пропагандой своей монотеистической религии. Их деятельность создала новый этап в языковом взаимодействии тюркского и иранского миров. В.В. Бартольд отмечал, что «манихеи применили к транскрипции звуков иранского и тюркского языков свое письмо арамейского происхождения» и писали этим письмом «книги веры».

Миссионерская деятельность манихеев везде встречала активное противодействие со стороны представителей местных религий. В самом же Иране, где традиционный зороастризм был сильно потеснён учением Мани, оно было особенно ощутимым. В назидание всем последователям нового учения Мани был жестоко казнён. Всё это привело к массовому бегству иранских манихеев на восток и северо-восток. С конца VI по VIII в. манихейская кафедра и ее епископат обосновались в Согде, имея свои отделения в Семиречье (г. Тараз) и в Восточном Туркестане (г. Турфан). Что касается Средней Азии, то под давлением арабов в начале VIII в. манихейская кафедра перенесла свою резиденцию в Тохаристан, а с начала X в. она переместилась в Самарканд. К VII в. официальным языком восточной манихейской церкви стал согдийский, на который и был переведен весь манихейский канон.

Манихеская церковь поощряла торговлю и считала её делом высокоблагородным и полезным. В свою очередь, торговля основательно подпитывала манихейство и стимулировала его распространение. Нередко купец и священнослужитель выступали в одном лице. Согдийцы были главными функционерами на всём протяжении торгового пути Восток – Запад. На трассах Пути и его многочисленных ответвлениях возникали торгово-ремесленные колонии согдийцев, главами которых зачастую были тюрки. Вместе с ними шла манихейская проповедь.

Важно проследить, с какими тюркоязычными народностями и их государствами встречались упорно продвигавшиеся на север адепты манихейской религии, считавшие, согласно учению Мани, что «Царство света ничем не ограничено с трех сторон: на север, на восток и на запад. Напротив, на юге свет сталкивается

с тьмой. Таким образом, область власти основного божества «Отца Величия» ограничивается властью тьмы»¹¹ крайнего восточного царства, Китая, пришедшие с запада манихеи уже достигли, а обитаемый север был все еще свободен.

По ибн Вадиху ал-Йакуби (IX в.) «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе: карлуки, тогуз-гузы, кимаки и гузы. Каждый (из этих) народов тюрков (имеет) отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Ибн ал-Факих (IX-X вв.) сообщает, что «огузы, наряду с кимаками и тогуз-гузами, являются «царями» и больше других почитаются у тюрков: наиболее «благородными» из всех считались карлуки».¹² Уйгурский Бёгю-каган (Эльтутмыш-каган, 759-779 гг.) принял манихейство в 762 г., находясь в Китае в городе Лояне. В следующем 763 г. он объявил ее государственной религией всего Уйгурского каганата. Манихейство охватило преимущественно господствующие слои, не затронув всё население каганата, но в истории культуры оно сыграло значительную роль. Уйгуры получили возможность ознакомиться с манихейской литературной традицией, языком и, наконец, приняли согдийский алфавит, хотя знали китайскую письменность.¹³ Как считает Кляшторный С.Г.: « Именно смена веры и сделала согдийский язык, язык новой религии уйгуров, вторым государственным языком каганата».

В орхонской китаезычной надписи принятие манихейства приписано хану "Дэнли логу [юй] Момишисйеду Дэн миши хэ Гюйлу" и следует за подавление восстания Ши Чао-и, т. е. после 763 г. Это совпадает с разрывом китайско-уйгурского союза во время восстания Хуай Эня. Так как манихейство в Китае считалось учением одиозным, а христианство было терпимо, то не случайно, что религиозный и политический повороты совпадают. Таким образом, мы можем датировать обращение уйгуров 766-767 гг. Хотя в УП-УШ вв. манихейство проповедовалось по всей Азии, но укрепилось оно только у уйгуров,¹⁴ причем уйгурские ханы энергично поддерживали своих единомышленников в Китае и в Средней Азии.¹⁵

Торжество манихейства поссорило уйгуров со всеми соседями: мусульмане в Средней Азии, буддисты в Тибете, конфуцианцы в Китае, шаманисты в Кыргызском ханстве - все воспринимали новое учение как дикую извращенность. Вряд ли принимали доктрину о борьбе с собственным телом

путем изнурительного воздержания и столь же изнурительного распутства низшие слои в самом Уйгурском ханстве. Однако "история гласит: хуйхуский кэхань с Мони общее государево",¹⁶ т. е. уйгурский хан настолько связал себя с манихейской общиной, что его эль превратился в союз трона и алтаря.

Вторым тюркоязычным каганатом, правитель которого вслед за уйгурами, около 765 г., объявил официальной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство, явилось Древнехакасское государство, которым управлял царский род Хыргыс.¹⁷ Осведомленные ученые арабско-персидского мира хорошо знали, благодаря путешественникам, купцам, строителям и манихейским миссионерам, что истинные кыргызы в VI-IX вв. обитали не в собственно Туркестане, а в Саяно-Алтайском нагорье, расположенном в Южной Сибири.¹⁸ В связи с нашей темой следует указать на распространение в енисейских рунических надписях манихейского содержания ираноязычной религиозной лексики.¹⁹

Третьим манихейским государством тюрков стало Кимакское. По данным ал-Идриси и Марвази, восходящим к IX-X вв., в верховьях Иртыша в государстве кимаков жили «зиндики»-еретики (т.е. манихеи), также имевшие храмы в столичном городе. Еще сообщается, что «кимаки исповедуют сабейскую религию, поклоняются солнцу и ангелам, сжигают мертвых». Рядом с ними, в предгорьях юго-западного Алтая другие не тюркоязычные люди "поклоняются огню и воде: постятся один день в году, сжигают своих покойников и не оплакивают их». Они говорят: "Воистину мы довольны решением Всевышнего бога!".²⁰ В сообщении о лесных людях, обитавших в южных Саянах, сказано по существу о манихейском обряде их похорон: «Когда кто-нибудь из них умирает, его тело обматывается веревками и вешается на деревьях и оставляется там гнить». ²¹ Прибавим, что еще в X в. о том же обряде избавления от трупов умерших людей (у соседей киргизов) сообщал и другой раннесредневековый ученый Мутаххар ал-Макдиси.²²

Применительно ко времени после арабского завоевания и сопутствовавшему ему внедрению ислама Абу Рейхан Бируни (973-1048 гг.) писал: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет практически ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же

касается немусульманского [мира] XI в., то веру Мани и его учение исповедует большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии.²³

Манихейство явилось единственной мировой религией, которая в эпоху средневековья на несколько веков объединила почти все тюркоязычные народы Евразии от верховий Амура на востоке до устья Дуная на западе. Именно это вероучение более прочно соединило тюрков с передовыми достижениями общественной и духовной мысли культур Западной и Средней Азии.

Список литературы

1. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965. стр. 280.
2. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994 стр.15.
3. Топоров В. Н. Мани // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.
4. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. стр.260.
5. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб., 1994. стр.131.
6. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. II, ч. 1. стр.219.
7. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. стр. XIV–XXXIII, XXXV, XXXVII.
8. Кызласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // Советская тюркология. – 1981. – №4. стр.93–95.
9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. I. стр.353.
10. Бартольд В.В. Соч., том II, ч. 1. стр.125
11. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. - СПб, 2001. стр. 77
12. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. стр.132.

13. Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991. стр.124.
14. Бартольд В. В., О христианстве..., стр. 18.
15. Там же стр. 13.
16. Васильев В. П. Китайские надписи..., стр. 33.
17. Кызласов Л.Р. Сибирское Манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. №5. стр. 83-90.
18. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. стр. 52-68.
19. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье. Идеи единобожия в енисейских надписях // Древние цивилизации Евразии. История и культура. - М., 2001. стр.258.
20. Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. - Алма-Ата, 1959. - Т. 1. стр.213.
21. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Mazvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120). - London, 1942. chapter IX, 3.
22. Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком изложении Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. - М., 1969. - Т. II.
23. Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. стр.213.